

---

*Проф. д-р Н. Д. УСПЕНСКИЙ
(Ленинград)*

**МОЛИТВЫ ЕВХАРИСТИИ
СВ. ВАСИЛИЯ ВЕЛИКОГО
И СВ. ИОАННА ЗЛАТОУСТА
(В ЧИНЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЛИТУРГИИ)**

Восточная Православная Церковь в настоящее время имеет во всеобщем употреблении две литургии. Одна из них приписывается св. Василию Великому, а другая — столь же славному отцу Церкви, св. Иоанну Златоусту.

Литургия св. Василия совершается 10 раз в году: в связи с вечерней накануне великих праздников Рождества Христова и Богоявления, как бы открывая собой торжества этих праздников¹, в 5 воскресных дней Великого поста, также выделяя торжественность этих дней в ряду дней Четыредесятницы, в Великий Четверг, когда воспоминается установление евхаристии Господом, в Великую Субботу — опять же в связи с вечерней этого дня, вводя нас, подобно литургии навечерия Рождества Христова и Богоявления, в предстоящее торжество торжеств праздника праздников — Воскресения Христова. Десятая литургия совершается в день кончины св. Василия — 1 января. Редкое, но связанное с особо торжественными праздниками церковного года, совершение литургии св. Василия выделяет эти дни от прочих дней года, когда полагается литургия св. Иоанна Златоуста.

Не исключена возможность, что когда-то литургия Василия Великого совершалась и в другие торжественные дни церковного года. Так можно полагать потому, что в более древних евхологионах она помещается прежде литургии Иоанна Златоуста. В одном же из них — IX века, хранящемся в Ленинградской Гос. Публичной библиотеке под № Гр. 226 и известном под названием Порфирьевского, после литургии Василия Великого даны особые заамвонные молитвы на праздники Сретения, Богоявления, недели Мясопустной, 1, 2, 3, 4 и 5 недель Великого поста, недели Ваий, Великого Четверга, Пасхи, Антипасхи и для праздников вообще².

Впрочем, обе литургии — и Василия Великого и Иоанна Златоуста — не отличаются одна от другой ни в обрядовых действиях, ни в самой конструкции чинопоследования в целом. Обе литургии имеют один и тот же чин проskomидии, одно общее начало, Малый вход, молитву Трисвятого, чтение посланий апостольских и Евангелия, молитвы об оглашенных и верных, Великий вход. Общим свойствен один и тот же порядок благословения освящаемых даров, возношения их, причащения и окончания богослужения. Более того, в обеих литургиях имеются одни и те же молитвы. Такова молитва в конце чина проskomидии: „Боже, Боже наш, небесный хлеб...“, молитвы антифонов, молитва Трисвятого: „Боже святыи, иже во святых почивай...“, молитва пред чтением Евангелия: „Воссияй в сердцах наших...“, молитва прилежного моления: „Господи Боже наш, прилежное сие моление...“, молитва пред Великим входом: „Никтоже достоин...“, молитва пред возношением даров: „Вонми, Господни...“ и наконец заамвонная молитва. В силу изложенного, естественно, возникает вопрос — в чем же собственно заключалось литургическое творчество этих святителей?

---

¹ Если канун этих праздников совпадает с субботой или воскресеньем, в таком случае литургия св. Василия совершается в самый праздник.

² Листы 5 об. — 15.

Ренодот, посвятивший свою жизнь изысканиям в области истории евхаристии, утверждает, что ни Василий Великий, ни Златоуст не создавали какой-либо новой формы литургии и не могли этого сделать (*Multo minus Basilius et Chrysostomus novas offerendi sacrificii eucharistici formas instituere poterant*)³. Это понятно. Форма литургии с целым комплексом входящих в нее обрядов, с определенной их последовательностью — чтение Св. Писания, общие молитвы об оглашенных, затем о верных, приношение даров к алтарю, общее преподание мира или лобзание святых, освящение даров с чтением традиционно сложившихся евхаризмов, причащение и благодарение о причащении, как видно из апологии св. Иустина, существовала уже в его время⁴. Следовательно, личное творчество того и другого святителя могло заключаться только в составлении отдельных молитв, по опять же на основе тех евхаристических славословий и молений, которые существовали в устном предании Церкви, о чем сам Василий Великий писал: „Кто из святых оставил нам записанными слова призывания при освящении хлеба евхаристии и чаши благословения? Ибо мы не довольствуемся тем, что упоминают апостолы в Евангелии, но и прежде и после произносим другие слова, как имеющие великую силу для таинства, принятые из учения неписанного (*ἄγραφοι*)“⁵.

Какие же из молитв в существующих чинопоследованиях литургий Василия Великого и Иоанна Златоуста принадлежат этим свв. отцам? Так как ни Василий Великий, ни Иоанн Златоуст в своих литературных произведениях ни слова по этому поводу не говорят, то, очевидно, изыскания в данном случае возможны только на основании наиболее древних списков литургии с их именем и некоторых косвенных свидетельств, восходящих к еще более раннему времени, от которого не сохранилось таких списков.

Древнейшие списки литургий Василия Великого и Иоанна Златоуста сохранились в так называемом Барбериновском евхологионе, относящемся к VIII—IX вв. (*Codex Barberinus № 77*), в упомянутом выше Порфирьевском евхологионе и евхологионе Севастьяновского собрания Московской библиотеки им. Ленина (*№ 15—474*) — X—XI вв. Хотя Порфирьевский и Севастьяновский евхологионы более позднего происхождения, чем Барбериновский, это не снижает их значения для изучения данного вопроса, так как следует полагать, что оригинал, с которого был сделан Порфирьевский список, относился к VIII веку⁶, Севастьяновский же евхологион, по крайней мере в части литургии Иоанна Златоуста, содержит редакцию этого чинопоследования более краткую и более раннюю, чем литургия Барбериновского евхологиона⁷.

Списками литургий Барбериновского евхологиона я буду пользоваться по изданию С. А. Swainson. *The Greek Liturgies chiefly from original authorities*. London, 1884 (в сносках — Swainson, p. такая-то). Литургия Иоанна Златоуста Порфирьевского евхологиона и литургии Василия Великого и Иоанна Златоуста Севастьяновского евхологиона были изданы проф. Красносельцевым в его книге „Сведения о некоторых литургических рукописях Ватиканской библиотеки“. Казань, 1885. Я буду пользоваться этим изданием (в сносках — проф. Красносельцев, страница такая-то). Литургия Василия Великого Порфирьевского евхологиона не издавалась, и я пользуюсь последним в оригинале, указывая соответствующие листы рукописи.

Хотя всем трем названным евхологионам принадлежит весьма почтенная давность, однако имеющиеся в них списки литургии, как Василия Великого, так и Иоанна Златоуста, уже содержат молитвы, внесенные в литур-

³ R e n a u d o t. *Liturgiarum orientalium collectio*. Parisiis, 1716, t. I, p. XIV.

⁴ См. I апология, гл. 65—67.

⁵ О Св. Духе, гл. 27.

⁶ Проф. М. И. Орлов. *Литургия св. Василия Великого*. СПб., 1909, стр. XXXVI—XXXVII.

⁷ Проф. Н. Ф. Красносельцев. *Сведения о некоторых литургических рукописях Ватиканской библиотеки*. Казань, 1885, стр. 221.

гию после смерти этих святителей. Это, прежде всего, молитвы антифонов, Трисвятого и Херувимской песни. Они не могли принадлежать ни Василию Великому, ни Златоусту, потому что Трисвятое было введено в литургию в V веке, Херувимская песнь в VI, антифоны же еще в X веке не составляли неперемennого элемента литургии⁸.

Продолжая реставрацию, следует исключить еще некоторые молитвы, хотя и связанные с обрядами, существовавшими при жизни Василия Великого и Иоанна Златоуста. Это прежде всего молитва Евангелия: „Возсияй в сердцах наших...“ и молитва прилежного моления: „Господи Боже наш, прилежное сие моление...“, так как эти молитвы не являлись собственно литургийными и когда-то читались на других церковных службах в связи с чтением Евангелия и сугубой ектенней⁹.

То же самое можно сказать о молитве об оглашенных. Молитвы об оглашенных как в литургии Василия Великого, так и в литургии Златоуста представляют собой варианты древнехристианской молитвы за оглашенных, читавшейся не только на литургии, но и на вечерне и утрени, что видно из того же Барбериновского евхологиона¹⁰. В Барбериновском евхологионе в литургии Василия Великого эта молитва надписана просто как „молитва оглашенных“¹¹, а в литургии Златоуста: — „Молитва оглашенных перед святой анафорой Златоуста“¹². В Севастьяновском — на литургии Василия Великого — „Молитва оглашенных перед святой анафорой св. Василия“¹³, а на литургии Иоанна Златоуста: „Молитва оглашенных другая пред святой анафорой Златоуста“¹⁴. Но в этих же евхологионах далее, перед молитвой проскомидии, положенной для чтения после великого входа, надписано: „Молитва проскомидии святого Василия по исполнении поющим народом таинственного гимна“ (Барбериновский евхологион)¹⁵ или „Молитва проскомидии св. Василия, читаемая по отнесении Даров на Святую трапезу и исполнении народом таинственного гимна“ (Севастьяновский евхологион)¹⁶ и „Молитва проскомидии святого Иоанна Златоуста, по отнесении Святых Даров на Святую трапезу и исполнении народом таинственного гимна“ (Барбериновский и Севастьяновский евхологионы)¹⁷. Иначе говоря, в то время как молитва проскомидии в обоих памятниках определенно приписывается свв. Василию и Златоусту, о молитве оглашенных говорится только, что она читается перед анафорой того или другого из этих свв. отцов. Это указывает на непринадлежность молитвы оглашенных последним.

Что касается первой и второй молитв верных, то они сохранили только свое древнее название, но по существу таковыми уже не являются. Дело в том, что древние молитвы о верных, читавшиеся на вечерне, утрени и литургии вслед за молитвой оглашенных, были молитвами о всех членах Церкви¹⁸. Такой характер сохраняют молитвы верных в современной литургии Преждеосвященных Даров, молитвы же верных как литургии Василия Великого, так и Иоанна Златоуста являются собственно молитвой священнослужителей о себе в связи с предстоящим совершением ими таин-

⁸ См. такую литургию без антифонов в списке Устава Великой Константинопольской Церкви X—XI в. Дрезденской нац. библ. № 140, частично изданном проф. А. А. Дмитриевским в его книге „Древнейшие патрнаршие типиконы Святогробский Иерусалимский и Великой Константинопольской Церкви“, Киев, 1907, стр. 289, 314 и др.

⁹ Следом этой практики в современном православном богослужении является чтение переем „Возсияй в сердцах наших...“ на утрени в числе 12 утренних молитв (молитва девятая).

¹⁰ Goar, *Euchologion*, . . . , ed. secunda, Venetiis, 1730, p. 36, 45.

¹¹ Swainson, p. 77.

¹² Там же, стр. 89.

¹³ Красносельцев, стр. 241.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Swainson, p. 79.

¹⁶ Красносельцев, стр. 247.

¹⁷ Swainson, p. 90 и Красносельцев, стр. 247.

¹⁸ См., например, у Гоара, *Euchologion*, p. 37 (молитвы верных вечерние), p. 45 (молитвы верных утренние).

ства евхаристии. По идее они близки следующей за ними молитве: „Никтоже достоин“, текстуально же — молитве: „Посетивший нас милостями...“ из чина литургии ап. Иакова¹⁹, занимающей там такое же место, какое имеет молитва: „Никтоже достоин...“ в литургиях Василия Великого и Иоанна Златоуста.

Когда и кем внесены эти молитвы в состав литургии, неизвестно. Однако ничего удивительного в этом нет. Литургии Василия Великого и Иоанна Златоуста, прежде чем получить значение общецерковных, известное время были литургиями местных — Каппадокийской и Константинопольской — церквей. Распространение этих литургий в других поместных церквях Востока происходило за счет сращения из богослужебной практики более древних литургий — ап. Иакова, ап. Марка и др., что вызвало своеобразную реакцию, выражавшуюся во внесении в новую для данной поместной Церкви литургию элементов вытесняемой.

Борьба за преобладание во всех поместных Церквях византийской богослужебной практики имела место по крайней мере еще в XII веке. Вальсамон на вопрос Александрийского патриарха Марка, принимает ли Вселенская, то есть Константинопольская, Церковь литургии, совершаемые в областях Александрии и Иерусалима и по преданию написанные св. ап. Иаковом, братом Господним, и ап. Марком, отвечал, что все церкви должны следовать обычаю Нового Рима и совершать литургию великих учителей Иоанна Златоуста и Василия и что Константинопольская Церковь не знает литургий апостолов Иакова и Марка. И когда патриарх Марк хотел при сослужении с Константинопольским патриархом и его клиром держаться чина литургии ап. Иакова, то „был удержан и обещал совершать литургию, как и мы“²⁰. Желание отдельных церквей сохранить в литургической практике, при происходившем распространении Византийской литургии, молитвы своих древних литургий привело к тому, что в списках литургий Василия Великого и Иоанна Златоуста оказались молитвы, имеющиеся в литургиях с апостольскими именами. Так, например, „Боже, Боже наш, небесный хлеб...“ встречается как в списках литургии св. Василия, например, Барбериновском²¹ и Севастьяновском²², так и ап. Иакова, например, в Мессинском списке (X в.)²³. В Барбериновском и Порфирьевском евхологионах в литургии Иоанна Златоуста вместо: „Боже, Боже наш, небесный хлеб...“ дана молитва: „Господи Боже наш, предложивый Себе Самого Агнца непорочного за жизнь мира...“²⁴, и эта же молитва в несколько распространенном виде имеется в Россанском евхологоне в литургии ап. Марка²⁵. Количество таких примеров можно было бы еще увеличить, но и этих, кажется, достаточно, чтобы представить себе, каким образом могла возникнуть интерполяция молитвы из литургии ап. Иакова „Посетивший нас милостями...“

Из вышесказанного следует вывод, что молитвы личного творчества св. Василия Великого и Иоанна Златоуста нужно искать во второй части современного чина литургии, то есть после великого входа. Это будет правильным и потому еще, что в IV веке собственно евхаристические священнодействия начинались с этого момента. Все же, что происходило до приношения к алтарю хлебов и вина, — преподание мира, молитвы об оглашенных и верных, как видно из VIII книги Постановлений апостольских, — не составляло собственно принадлежности литургии и могло иметь место в вечернем и утреннем неевхаристическом богослужении²⁶.

¹⁹ Собрание древних литургий. СПб., 1875, вып. 1, стр. 169—171.

²⁰ Daniel. Codex liturgicus ecclesiae orientalis. Lipsiae, 1853, B. I, p. 83.

²¹ Swainson, p. 76.

²² Красносельцев, стр. 236.

²³ Собрание древних литургий, СПб., 1875, вып. 1, стр. 162.

²⁴ Swainson, p. 88 и Красносельцев, стр. 283.

²⁵ Swainson, p. 2.

²⁶ См. гл. 35—39.

Но все ли молитвы, существующие в этой части литургии Василия Великого и Иоанна Златоуста, принадлежат им лично, если же не все, то какие?

Остановимся на литургии св. Василия. Для установления принадлежности ему евхаристических молитв можно воспользоваться некоторыми посторонними свидетельствами. Таким свидетельством может служить послание Петра Диакона — *De incarnatione et gratia* (ок. 512 г.) к африканскому епископу Фульгенцию, где он пишет, что „Блаженный Василий, епископ Кесарийский, в своей молитве святого алтаря, которую повторяет почти весь Восток, между прочим говорит: „Дай, Господи, силу и покров — злых, просим, содейлай добрыми, добрых сохрани в доброте, ибо Тебе все возможно и никто не противоречит Тебе, ибо если Тебе угодно, то Ты спасаешь, и никто не может противиться Твоей воле“²⁷. Фраза „Благия во благости соблюди, лукавыя благи сотвори благостию Твоею“ имеется в анафоре современного чина литургии Василия Великого, и поэтому свидетельство Петра Диакона может быть принято как указывающее на составление Василием Великим анафоры: „Сый Владыко Господи, Боже Отче Вседержителю...“ Свидетельством, подтверждающим принадлежность анафоры Василию Великому, может служить также 32 правило Трулльского Собора (691—692 гг.). Осуждая этим правилом практику Армянской Церкви совершать евхаристию на нерастворенном вине, отцы собора ссылаются на авторитет апостола Иакова и Василия Великого, которые „положили в Божественной литургии из воды и вина составлять Святую чашу“. Очевидно отцы собора имели в виду слова анафоры литургии ап. Иакова „подобно по вечери взяв чашу растворенного вина и воды“²⁸ и анафоры Василия Великого „подобно и чашу от плода лозаго взяв, растворив“²⁹.

Говоря о косвенных свидетельствах литургической деятельности Василия Великого, нельзя обойти молчанием его житие, якобы составленное учеником св. Василия — Амфилохием, епископом Иконийским († после 394). В житии говорится, что св. Василий, возымев желание совершать евхаристическое приношение своими собственными словами, обратился с молитвой к Богу, прося у Него для этого мудрости и дарования. Шесть суток он провел в молитве, не оставляя ее ни на один час, ни днем, ни ночью. При наступлении седьмого дня Василий исполнился необыкновенного воодушевления и увидел Христа с апостолами, Который, предложив на престоле хлеб и чашу, сказал Василию: „Да исполнятся уста твои хваления“. После этого видения св. Василий подошел к престолу и начал говорить и писать на хартии: „Да исполнятся уста мои, дабы мне воспевать твою славу, Господи Боже наш, создавший нас и приведший в жизнь сия...“, потом он так же прочел и записал молитву: „Сый Владыко Господи, Боже Отче Вседержителю...“ и, освятив дары и прочитав и записав еще молитвы: „Боже наш, Боже спасати...“ и: „Владыко Господи, Отче щедрот...“, вознес Дары, говоря: „Вонми Господи, Иисусе Христе, Боже наш, от святого жилища Твоего и от престола славы царствия Твоего, и прииди освятить нас, горю со Отцем сидящий, и здесь невидимо с нами пребывающий, и сподоби сильною Твоею рукою преподать нам и через нас всему Твоему народу Божественные тайны“. И когда народ пропел: „Един свят, Един Господь, Иисус Христос во славу Бога Отца — Аминь“, то св. Василий разломил Св. хлеб на три части. Одною частью он причастился, другую сохранил, чтобы ее положили ему во гроб, а третью положил в висевшую над престолом дарохранительницу — „Голубя“³⁰.

Неизвестно, когда было написано это житие. Во всяком случае, в VIII веке оно уже было переведено на латинский язык³¹, а это говорит о более

²⁷ Renaudot, t. I, p. XXXVIII.

²⁸ Swainson, p. 272.

²⁹ Ibid., p. 82.

³⁰ Amphilocheii Iconiae Opera, Parisiis, 1644, Vita S. Bas. Cap. 6, p. 175.

³¹ Renaudot, t. I, p. XXXVII.

раншем его происхождении. Несколько легендарный характер повествования о том, как св. Василий составлял свою литургию, не снижает научной ценности самого повествования, поскольку всякая легенда создается на реальной основе. В данном случае такой основой было признание за Василием Великим творчества пяти евхаристических молитв: 1) молитвы проскомидии; 2) анафоры; 3) молитвы перед причащением (перед „Отче наш...“); 4) последующей за ней главопреклонной молитвы и 5) молитвы возношения даров („Вонми, Господи...“)³².

Что касается молитвы по причащении: „Благодарим Тя, Господи Боже наш...“, то в данном случае нет никакого косвенного свидетельства, которое указывало бы на принадлежность ее Василию Великому. Впрочем, отсутствие такого указания не дает основания для категорического отрицания этой принадлежности.

Сложнее дело обстоит с заамвонной молитвой. Она в несколько ином изложении имеется в Барбериновском списке³³. В Севастьяновском дана другая — „Владыко Господи, Иисусе Христе, Спасителю наш...“³⁴. В Порфирьевском же дано 13 различных заамвонных молитв, применительно к разным праздникам³⁵. Некоторые из этих молитв находятся в группе 17 заамвонных молитв евхологиона Синайской библиотеки № 958 IX—X в.³⁶, где эта группа помещена после утренних молитв, то есть вне какой-либо связи с литургией Василия Великого, другие же встречаются в отдельных списках литургии ап. Иакова и Иоанна Златоуста³⁷. Это говорит о том, что данные 13 заамвонных молитв Порфирьевского евхологиона не принадлежат св. Василию и, как говорит епископ Порфирий Успенский, которому принадлежит честь открытия евхологиона, носящего его имя, „опыте молитвы составлены были в разные времена и разными лицами...“³⁸. Но зато в том же Порфирьевском евхологионе, в группе 11 заамвонных молитв, следующих после литургии Иоанна Златоуста³⁹, есть одна с таким надписанием: „Молитва другая заамвонная Василия Великого“⁴⁰. Этот факт заслуживает внимания тем более, что заамвонные молитвы не только Порфирьевского евхологиона, но и многих других аналогичных литургических памятников не имеют надписаний об авторской принадлежности их тому или иному лицу. Молитва: „Святыи Боже, уставивый естество страшных херувимов...“, о которой идет речь в данном случае, представляет в этом отношении уникум, и в этом можно видеть свидетельство, подтверждающее составление Василием Великим заамвонной молитвы. Кстати, слова этой молитвы: „Исполнение Церкви Твоей посети..., благослови предстоящий народ Твой благословением духовным, ибо от Тебя всякое даяние благо и всякий дар совершен есть, исходящий свыше от Тебя, Отца светов, и Тебе славу воссылаем...“ почти дословно читаются в современной молитве: „Благословляй благословящыя Тя, Господи...“ Возможно, что последняя представляет вариант первой, незначительно измененный и дополненный после смерти св. Василия.

³² Проф. Н. Ф. Красносельцев высказывает сомнение в принадлежности молитвы: „Вонми, Господи...“ Василию Великому на том основании, что эта молитва обращена к Иисусу Христу, а не к Богу Отцу, как это наблюдается в других молитвах Василиевой литургии, и кроме того она встречается в одном списке Александрийской литургии с именем Григория Богослова (Сведения о некоторых литург. рукописях... стр. 227).

³³ Swainson, p. 86.

³⁴ Красносельцев, стр. 278—279.

³⁵ Л. 5 об. — 15.

³⁶ Проф. А. А. Дмитриевский. Описание литургических рукописей, т. II, *Евхология*, Киев, 1901, стр. 21—23.

³⁷ См. об этом подробно у проф. М. И. Орлова, *Литургия св. Василия Великого*, СПб., 1909, стр. 323.

³⁸ Еп. Порфирий Успенский, *Первое путешествие в афонские монастыри и скиты*, ч. II, отд. I. Киев, 1877, стр. 464.

³⁹ Л. 29 об. — 36 об.

⁴⁰ Л. 34 об.

Маловероятным представляется, чтобы Василию Великому принадлежала молитва по потреблении Даров: „Исполнися и совершися...“, потому что во время Василия Великого, как можно судить на основании изложенной в Постановлениях апостольских так называемой Климентовой литургии, потребления Даров как такового не существовало⁴¹. О потреблении Даров упоминает Евагрий в связи с сообщением о чуде с потребившим св. Дары еврейским мальчиком, что было в Константинополе в годы патриаршества св. Мины (536—552), однако из сообщения Евагрия не видно, чтобы потребление входило тогда в литургию и было сопровождаемо особой молитвой. Оно в то время носило характер не литургического, а церковно-практического действия⁴².

Вопрос об евхаристических молитвах св. Иоанна Златоуста на первый взгляд кажется проще, чем о молитвах Василия Великого. В действительности же это не так. Кажущаяся простота этого вопроса объясняется тем, что сам Иоанн Златоуст очень часто в своих проповедях касался тех или иных обрядов, священнодействий и даже приводил отдельные фразы из текстов современной ему литургии. Это обстоятельство привлекало к себе внимание ученых, полагавших на основании слов самого Златоуста, разбросанных в многочисленных его проповедях, восстановить его литургию. Такой опыт делал, например, Филарет, архиепископ Черниговский⁴³, но этот опыт оказался неудачным. Дело в том, что все литургические элементы, которых касается Златоуст в своих проповедях, оказываются свойственными всем литургиям его времени. Говорит ли он о преподании мира по входе епископа в храм, или о последующем затем чтении Св. Писания и молитвах об оглашенных и верных, упоминает ли он о Серафимской песни („Свят, Свят, Свят...“), приводит ли слова установления таинства евхаристии, касается ли призывания Св. Духа на евхаристические Дары, — все это есть в так называемой Климентовой литургии Постановлений апостольских и в литургиях, частично известных нам из других литературных памятников того времени. Единственным выводом, к которому приводит такой путь исследования, оказывается тот, что при Иоанне Златоусте Константинопольская литургия не отличалась чем-либо особенным от литургий других поместных церквей и в частности от так называемой Климентовой литургии Сирийской Церкви, что было вполне закономерно, поскольку Сирия граничила с родиной Златоуста — Антиохией.

В науке высказывалось также мнение, что творчество Иоанна Златоуста заключалось в сокращении литургии Василия Великого⁴⁴. Подтверждение этому видели в приписываемом патриарху Константинопольскому Проклу слове „О предании Божественной литургии“, где сообщается, что Василий Великий, „замечая леность и небрежность людей, тяготившихся поэтому продолжительностью литургии, сам не считая ее содержащей что-нибудь излишнее и длинной, но желая пресечь небрежность, возникавшую у молящихся и слушающих из-за большой продолжительности употреблявшегося на нее времени, предал читать ее более кратко“, и что после Василия Златоуст, „заботясь о спасении овец и обращая внимание на леность человеческой природы, захотел исторгнуть с корнем всякий сатанинский предлог. Поэтому он исключил многое и учредил, чтобы она совершалась сокращенно, дабы люди, особенно любящие некую свободу и праздность, будучи прельщаемы кознями врага, мало-помалу не отстали от этого апостольского и божественного предания“⁴⁵.

Хотя „Слово“ никаких конкретных сведений о том, в каком плане про-

⁴¹ См. кн. VIII, гл. 15.

⁴² Е в а г р и й. Церковная история, кн. IV, гл. 36.

⁴³ Ф и л а р е т, архиеп. Черниговский. Исторический обзор песнопевцев. Чернигов, 1864, стр. 149—173.

⁴⁴ Собрание древних литургий. СПб., 1874, вып. 2, стр. 114—118.

⁴⁵ Цитирую по русскому переводу в „Собрании древних литургий“, вып. 2, стр. 236—238.

водилось самое сокращение литургии Василием Великим и Златоустом — путем ли сокращения текстов молитв и количества самих молитв, или за счет ограничения во времени других элементов литургии — чтения Писания, проповеди и т. п. — не дает, и самые мотивы, которыми якобы руководствовались при сокращении литургии святители Василий и Иоанн, находятся в явном противоречии с тем, что известно о последних, как о волевых личностях и ревностных христианских епископах, готовых на самопожертвование, но не способных идти навстречу вкусам и желаниям „любящих некую свободу и праздность“ ленивых, наконец, несмотря на то, что автор „Слова“ в данном случае явно противоречит тому, что говорится об обстоятельствах написания литургии Василием Великим в его житии, — тем не менее сообщение „Слова“ о том, что якобы Златоуст сокращал Василиеву литургию, принималось за отправной пункт определения деятельности Иоанна Златоуста, как составителя литургии⁴⁶. Авторитет „Слову“ придавало имя св. Прокла, от которого якобы исходил этот важный для науки документ. В самом деле, кто же мог лучше знать историю Златоустовой литургии, как не ученик Златоуста и один из ближайших его преемников по епископской кафедре в Константинополе! В этом случае манускрипты, особенно наиболее ранние, как Барбериновский, где литургия Иоанна Златоуста отличается меньшим количеством молитв, чем Василия Великого, казались подтверждающими сообщение „Слова“, якобы Златоуст сокращал литургию святителя Василия.

В действительности же „Слово“ св. Проклу не принадлежит⁴⁷. С другой стороны, еще Гоар, ознакомившись с большим количеством списков литургии Иоанна Златоуста, поражался разницей их содержания и, по его собственным словам, его обнимал страх при мысли о трудоемкости работы по их сличению, и он чувствовал себя не в силах их согласовать⁴⁸. После него Ренодот, столкнувшись с этим же фактом, мог сказать только одно, что само по себе исключительное множество списков литургии с именем Златоуста свидетельствует, что всем им свойственна одна основа, которая принадлежала личному творчеству Иоанна Златоуста⁴⁹. Позднее проф. Красносельцев на основе изучения различных списков литургии Иоанна Златоуста пришел к выводу, что труд Златоуста, как и Василия Великого, заключался не в установлении новых обрядовых форм литургии, а лишь в составлении новых евхаристических молитв, которые должны были быть читаемы по ходу уже существовавшего чина⁵⁰. Это обстоятельство, между прочим, было одной из причин успешного распространения обеих литургий за пределами Константинопольского патриархата, так как их введение не вызывало коренной ломки существовавших там местных литургических традиций. В самом Константинополе главной, или основной литургией довольно продолжительное время была литургия св. Василия. Молитвы Златоуста прилагались к чину литургии св. Василия и в известных случаях читались вместо молитв последнего. Поэтому сами константинопольцы смотрели на литургию Златоуста, как на ту же самую Василиеву, в которой допускалась частичная замена отдельных молитв⁵¹. След такого положения вещей с литургией Иоанна Златоуста сохраняется еще в Барбериновском⁵² и Севастьяновском⁵³ евхологионах, где общее количество молитв в литургии Златоуста значительно меньше, чем в литургии Василия Великого, и сама Златоустова литургия, следуя за Василиевой, не имеет впереди никакого надписания о принадлежности ее Златоусту.

⁴⁶ См., напр., Предисловие к изданию литургий Василия Великого и Иоанна Златоуста в „Собрании древних литургий“, вып. 2, стр. 109—119.

⁴⁷ В. Altaner, Patrologie, Freiburg, 1958, S. 304.

⁴⁸ Гоар, *Εὐχολόγιον*, p. 95.

⁴⁹ Renaudot, t. I, p. XXVIII — XXIX.

⁵⁰ Красносельцев, стр. 222.

⁵¹ Там же.

⁵² Swainson, p. 88.

⁵³ Красносельцев, стр. 209.

Состав евхаристических молитв Иоанна Златоуста, как видно из более ранних евхологионов — Барбериновского, Порфирьевского, Севастьяновского, — был меньше состава молитв литургии Василия Великого, и это обстоятельство в отдельных случаях вызывало дополнение недостающих молитв молитвами литургии Василия Великого, а за пределами Константинопольского патриархата и молитвами литургий ап. Иакова и ап. Марка⁵⁴. В свете сказанного становится понятным возникновение версии, будто Иоанн Златоуст сократил литургию Василия Великого.

Сопоставление евхаристических молитв Василия Великого и Иоанна Златоуста показывает, что каждый из них был самостоятелен в своем творчестве⁵⁵. Так в молитве „проскомидии“ Василий Великий молится словами, традиционными для так называемого восходящего епиклезиса: „Призри на ны, Боже, и виждь на службу сию нашу, и прими ю, якоже приял еси Авелевы дары, Ноевы жертвы, Авраимова всеплодия...“, Златоуст, напротив, словами нисходящего: „сподоби... и вселитися Духу благодати Твояе благому в нас, и на предлежащих дарех сих, и на всех людех Твоих“. Все евхаризмы анафоры св. Василия обращены к Богу Отцу. Иоанн Златоуст, начав с прославления Бога Отца, переносит свои евхаризмы и к прочим лицам Святой Троицы — „Ты и Единородный Твой Сын и Дух Твой Святой... Благодарим Тя, и Единороднаго Твоего Сына и Духа Твоего Святаго“. Василий Великий в первой половине анафоры весьма пространно исповедует личные свойства каждой Ипостаси Святой Троицы, а после Серафимской песни также пространно излагает христианскую сотериологию. У Иоанна Златоуста исповедание личных свойств Ипостасей вовсе отсутствует, а сотериология изложена предельно кратко, причем одна фраза этого значения приводится еще в первой половине анафоры, — „Ты от небытия в бытие нас привел еси, и отпадшыя возставил еси паки, и не отступил еси вся творя, дондеже нас на небо возвел еси, и царство Твое даровал еси будущее“, другая же фраза: „Иже мир Твой тако возлюбил еси, якоже Сына Твоего Единороднаго дати, да всяк веруяй в Него не погибнет, но имать живот вечный, Иже пришед, и все еже о нас смотрение исполнив, в ночь, в ноще предающеся, паче же Сам Себе предающе за мирский живот...“ — после Серафимской песни. В епиклезисе Василий Великий просит, чтобы по благоволению Отца Святой Дух снизошел и освятил Дары. Иоанн Златоуст просит, чтобы Отец послал Духа на Дары и участников Евхаристии, и Сам претворил хлеб и вино в Тело и Кровь Христовы действием Св. Духа. Допустим, что Златоуст, как сообщает „слово“ с именем Прокла, сокращал литургию Василия Великого ради любящих некую свободу и праздность ленивых. В таком случае будет естественно спросить, насколько эффективным в смысле экономии времени ленивых могло быть подобное сокращение? Какой смысл был в изменении выражений епиклезиса, если оба они, с точки зрения православного учения о евхаристии, равнозначущи?

Дело было проще. И Василий Великий, и Иоанн Златоуст, как и другие христианские епископы, составляли свои молитвы на основе тех евхаризмов и доксологий, которые существовали до них, они богословствовали в молитвах о тех истинах веры, о которых требовало этого их время, они произносили слова призывания Св. Духа и молились так, как было принято

⁵⁴ Красносельцев, стр. 231—232.

⁵⁵ Эта мысль высказана была еще в трактате с именем патр. Софрония, посвященном толкованию православного богослужения. „... После богоглаголивых апостолов, — пишет автор, — некоторые из божественных отцов, каждый сам по себе слагали молитвы и возглашения и целое чинопоследование литургии, каковы славы в святых Епифаний, и великий Василий, и божественный Златоуст; все они удостоены поучения, истекающего из обильных живоносных источников Утешителя; и Церковь христиан православных принимала их слова и дела так, как бы Сам Христос изрек и сделал это...“ (Maj. Spicilegium Romanorum. Romae, 1840, t. IV, p. 31—32).

в Церквах, к которым они принадлежали. Так, в анафоре Иоанна Златоуста неоднократно повторяется фраза — „Еще приносим Ти...“ Аналогичной фразой начинается ряд молитв в анафоре Климентовой литургии. По-видимому, это была местная — сирийская и антиохийская — форма молитвенного обращения. В анафоре каппадокийца — св. Василия она ни разу не употреблена⁵⁶.

Суждение о принадлежности евхаристических молитв Иоанну Златоусту возможно только на основе списков литургии Иоанна Златоуста. Посторонних свидетельств, подобных тем, какие имеются в отношении литургии Василия Великого, в данном случае не существует. В этом главная трудность решения вопроса о принадлежности Златоусту тех или иных молитв евхаристии. Исходя из сказанного выше о литургии IV века, личное творчество Иоанна Златоуста нужно искать во второй половине современного чина литургии, то есть после великого входа. Севастьяновский список литургии Иоанна Златоуста так и начинается молитвой: „Господи Боже Вседержителю...“, над которой сделана надпись: „Молитва проскомидии Святаго Иоанна Златоуста по поставлении святых Даров на святой трапезе и исполнении народом таинственного гимна“⁵⁷. Очевидно, это первая молитва Иоанна Златоуста. Второй молитвой его должна быть анафора, об оригинальных чертах которой, в отличие от анафоры Василия Великого, сказано было выше. Молитва пред „Отче наш...“ или пред причащением „Тебе предлагаем живот наш весь...“ также не вызывает сомнения в принадлежности ее Иоанну Златоусту. Что же касается главопреклонной молитвы „Благодарим Тя, Царю невидимый...“, то она вызывает это сомнение. Как известно, особенностью древних главопреклонных молитв было то, что в них возносилось моление об определенных духовных нуждах тех, над кем эта молитва произносилась. Это подтверждает VIII книга Постановлений апостольских, где даны особые главопреклонные молитвы для чтения над оглашенными, обуреваемыми, просвещаемыми, кающимися и верными, применительно к их духовным нуждам⁵⁸. Такой характер сохраняют главопреклонные молитвы и современных православных чинопоследований — воцерковления, крещения и др. В них испрашивается помощь Божия в конкретной нужде человека, в связи с которой совершается са-

---

⁵⁶ Общей для обеих анафор является вставка „Святаго Иоанна . . . идеже присещает свет лица Твоего“. Проф. Н. Ф. Красносельцев говорит, впрочем без обоснования, что эту вставку из древнего диптиха внес в свою литургию сам Василий Великий, Златоуст же заимствовал ее у последнего (Сведения о некоторых литургич. рукописях, стр. 228—229). Что эта вставка заимствована из диптиха, и быть может очень древнего, это бесспорно и подтверждается имеющимся при вставке указанием: „Зде священник поминает иже хошет, живых и умерших“. Но вероятно, чтобы эту вставку внес сам Василий Великий. Молитвенное поминовение почивших праведников, как у Василия Великого, так и у Златоуста, отличается исключительной стройностью изложения. В обеих анафорах вспоминаемый сонм праведников представлен начиная с ветхозаветных праотцев до новозаветных подвижников и завершен именем Богоматери, причем поминовение последней выделено, как „изрядное“. После этого возвращение к поминовению праведников, хотя бы и Иоанна Предтечи, оказывается нарушающим совершенство представленной составителями анафор картины Церкви торжествующих. К тому же вторичное поминовение апостолов, равно как и поминовение „всех усопших о надежде воскресения жизни вечныя“ представляется излишним. Трудно допустить, чтобы Василий Великий и Иоанн Златоуст при их исключительно богатом литературном даровании сами сделали такое неудачное дополнение. Если бы им желательно было отметить поименным поминовением Иоанна Предтечу, то они могли бы внести его имя до фразы „Изрядно“. . . Но они не сделали этого и помнили поименно лишь одну Богоматерь, быть может, видя в этом особый богословский смысл. В пользу позднего появления вставки „Святаго Иоанна . . .“ говорит и отсутствие ее в одном из ранних списков литургии Златоуста — Севастьяновском (Красносельцев, стр. 264).

О внесении в обе анафоры тропаря „Господи, Иже Пресвятаго Твоего Духа. . .“, а также о внесении из Златоустовой анафоры в Василиеву слов „Преложив Духом Твоим Святым“ я не буду говорить, так как эти сравнительно поздние добавления составляют особенность литургии только Русской Церкви и отсутствуют в Греческой Церкви.

⁵⁷ Красносельцев, стр. 247.

⁵⁸ Гл. 6 — 9, 15, 37, 39.

мый обряд. Так составлена и главопреклонная молитва Василием Великим в его литургии, где он просит Бога благословить преклонивших главы и сподобить их неосужденного причащения Св. Таин. В главопреклонной же молитве литургии Иоанна Златоуста вместо упоминания этой конкретной нужды приступающих к причащению говорится о нуждах вообще — „предлежащая всем нам во благо изравняй, по коегождо своей потребе“, о нуждах даже отсутствующих за богослужением: „плавающим сплавай, путешествующим спутешествуй, недугующия исцели, Врачу душ и телес“. Златоуст не мог сделать такого нарушения церковной традиции уже потому, что в его время главопреклонные молитвы произносились во всеуслышание, о чем он сам говорит: „Есть случаи, в которых священник ничем не отличается от подначального, например, когда должно причащаться страшных Таин... И в молитвах, как всякий может видеть, много содействует народ, ибо и о бесноватых и о кающихся совершаются общие молитвы священником и народом... И молитвы благодарения также суть общие, ибо не один священник произносит благодарение, но и весь народ, ибо, сперва получив ответ от народа и потом согласие, что достойно и праведно совершаемое, начинает священник благодарение. И что удивительного, если вместе со священником взывает и народ, когда он возносит оные священные песни совокупно с самими херувимами и горними силами...“⁵⁹. И если бы св. Иоанн Златоуст по каким-либо соображениям нарушил церковную традицию главопреклонных молений и стал читать над преклонившими главы верными молитву, относящуюся не к ним как к причастникам Св. Таин, а к отсутствующим в храме плавающим, путешествующим, болящим, то это было бы сразу же замечено молящимися. Судя по тому, что в Климентовой литургии, с которой Златоустова имеет некоторые общие черты, главопреклонная молитва на этом месте чина отсутствует (как отсутствует и молитва возношения), можно полагать, что в соседней с Сирией Антиохии таких молитв тоже не было, и для Златоуста было логичным не составлять их. Эта молитва могла быть составлена не раньше VI века, когда, как видно из 137 новеллы имп. Юстиниана († 565), появилась попытка заменять гласное чтение молитв тайным. Неизвестный автор рассматриваемой молитвы, не учтя той характерной черты древних главопреклонных молитв, о которой сказано было выше, начал свою молитву упоминанием о преклонивших главы, а закончил молением об отсутствующих в храме, заимствовав для этого отдельные фразы из последней части анафоры Василия Великого. В таком изложении эта молитва имеется уже в Барбериновском евхологоне⁶⁰.

Молитва по причащении: „Благодарим Тя, Владыко Человеколюбче...“ имеется во всех названных выше ранних списках литургии Иоанна Златоуста⁶¹. Сомнений в принадлежности Златоусту она не вызывает. Молитву „Исполнение закона и пророков...“, которая имеется в Порфирьевском и Севастьяновском списках⁶² и отсутствует в Барбериновском⁶³, проф. Н. Ф. Красносельцев не считает принадлежащей Иоанну Златоусту на том основании, что в Севастьяновском евхологоне, где все молитвы литургии разбиты на группы, группа, начинающаяся молитвой проскомидии, имеет надпись о принадлежности молитв Иоанну Златоусту, перед группой же, начинающейся с заамвонной молитвы, такая надпись отсутствует⁶⁴. Аргумент проф. Красносельцева не представляется убедительным, так как данное деление молитв на группы, по-видимому, было сделано не по признаку их авторской принадлежности, а по иным соображе-

⁵⁹ Беседа 18 на Второе послание к Коринфянам. Русск. перевод. М., 1851, стр. 237—238. Сн. беседа 21 на Деяния. Русск. перевод. СПб., 1856, стр. 390.

⁶⁰ Swainson, p. 93.

⁶¹ Swainson, p. 94, Красносельцев, стр. 276—277 и 295.

⁶² Красносельцев, стр. 278, 279 и 295.

⁶³ Swainson, p. 94.

⁶⁴ Красносельцев, стр. 227.

ниям, а именно: группа А содержит молитвы литургии Василия Великого от молитвы приготовления Даров до молитвы оглашенных, то есть те, большинство из которых, в тех случаях, когда литургии предшествовала лития вне храма, не читались; группа В — молитвы оглашенных и верных той же литургии; группа Г — собственно евхаристические молитвы литургии Василия Великого, читаемые у престола; группа Д — молитвы этой же литургии, читаемые в конце ее вне алтаря; группа Е — молитвы оглашенных и верных литургии Златоуста; группа З — молитвы собственно евхаристии Иоанна Златоуста, читаемые у престола, и группа И — молитвы той же литургии, читаемые в конце ее вне алтаря. Но по существу проф. Красносельцев прав. Молитва на потребление Даров „Исполнение закона и пророков...“ не могла принадлежать Златоусту, поскольку, как сказано было выше в связи с аналогичной молитвой из литургии Василия Великого, — в то время потребления Даров как особого литургического действия не было.

Итак, существующие данные позволяют определить творчество Василия Великого в современном православном чине литургии семью молитвами: 1) молитва приношения или проскомидии: „Господи Боже наш, создавший нас...“; 2) анафора: „Сый Владыко, Господи Боже, Отче Вседержителю...“; 3) молитва ко причащению: „Боже наш, Боже спасати...“; 4) молитва главопреклонная: „Владыко Господи, Отче щедрот...“; 5) молитва возношения Даров: „Вонми, Господи Иисусе Христе...“; 6) молитва благодарственная по причащении: „Благодарим Тя, Господи Боже наш...“ и 7) молитва заамвонная: „Благословляяй благословящыя Тя, Господи...“, творчество же Златоуста — четыремя: 1) молитва приношения: „Господи Боже Вседержителю, едине святе...“; 2) анафора: „Достойно и праведно Тя пети...“, 3) молитва ко причащению: „Тебе предлагаем живот наш весь...“ и 4) благодарственная по причащении: „Благодарим Тя, Владыко Человеколюбче...“.
